Леонида – одно из преломлений конфликта внутри духовного мира самого Богданова, где уживались две идеи – пессимистическая и оптимистическая: глубокое переживание раздоров среди людей и напряженная попытка показать, что взаимопонимание все же возможно. В связи с этим «Красная звезда» по своим жанровым характеристикам является больше чем утопией, вбирая в себя мощный антиутопический стержень.

Бенсаид Д. Спектакль как высшая стадия товарного фетишизма. М., 2012.

Богданов А. А. Красная звезда // А. Богданов. Праздник бессмертия : избр. произв. СПб., 2014.

Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии / отв. ред. В. Н. Садовский ; послеслов. В. Н. Садовского; А. Л. Андреева и М. А. Маслина. М., 2003.

Дебор Ги. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович ; ред. Б. Скуратов ; послеслов. А. Кефал. М., 2000.

Фёдоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) Часть IV. В чем наша задача? // Н. Ф. Фёдоров. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1995.

Хоркхаймер М., *Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. М. Кузнецова. СПб., 1997.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // В. Шкловский. О теории прозы. М., 1983.

УДК 94(47).084.2 + 930(73).091

О. В. Терешина

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АМЕРИАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПРЕССЕ 1918–1922 гг.

В статье на основании анализа американской научной прессы за 1918–1922 гг. выявлено определение зарубежными историками причин революции и их рекомендации по дальнейшим действиям правительству США. Декларировалась и иллюстрировалась историческая/социальная/политическая обусловленность Октябрьского переворота, необходимость соблюдения экономических интересов Америки, оправдывалась интервенция и обязательность насаждения демократии в американском образце. Учитывая право на выбор пути каждой страной, авторы 1920–1922 гг. давали информацию о неординарном варианте РСФСР, стимулируя читателей к собственным выводам.

© Терешина О. В., 2017

Ключевые слова: американские исследователи, исторические, социальные, политические причины революции, оправдание интервенции, предложение реформ для Советской республики и критика правительства США.

Источниковедческий анализ американской научной прессы за 1918–1922 гг., т. е. первые пять лет после Октябрьской революции 1917 г., позволяет объективнее смотреть на кардинальные перемены в Европе и выявлять самые насущные для другого континента вопросы. К таковым традиционно относятся: кто виноват и что делать. Для исследования были отобраны журналы «Advocate of Peace»[1], «Foreign Affairs»[2], ««Political Science Quarterly»[3], «American political science review»[4], «North American review»[5], «The annals of the American Academy of political and social Science»[6].

Сравнивая Октябрьский переворот с Великой французской революцией [The way of the Russian terror; Hibben], американские исследователи искали, кто виноват в прошлом, объясняли случившееся российской историей. Коммерческий атташе при посольстве США в России, свидетель событий в Петрограде У. Хантингтон видел причины Революции в установлении династии Романовых в 1613 г., развитии крепостного права (аналогичному «рабству наших цветных людей») и его отмене, сословной структуре общества («квазисредневековые условия»), «феномене интеллигенции» конца XIX – начала XX в. («осознающей свою социальную

---

[1] «Advocate of Peace» (в настоящее время «World Affairs»), учрежденный в 1834 г., содержит статьи по глобальным вопросам и внешней политике США. Учредитель – неспециализированная организация «Институт мировых дел».

[2] «Foreign Affairs» – авторитетный американский журнал по тематике международных отношений и внешней политики США, выходящий с 1922 г. Издатель – Совет по международным отношениям.

[3] «Political Science Quarterly» – академический журнал, выпускаемый с 1886 г. Академией политических наук Колумбиа-университи.

[4] «American political science review» – исследовательский журнал «Американской ассоциации политических наук» с 1906 г. публикует рецензируемые статьи и обзорные эссе из всей подразделов политологии.

[5] «North American review» – литературный журнал США, с 1815 г. публикующий тему о Советской России в разделе «Социализм, политическая революция, крестьянство, сельская жизнь». Новая страна презентовалась как открытие.

[6] «The Annals of the American Academy of political and social Science» («Анналы Американской академии политических и социальных наук») выходят с 1890 г. для отслеживания связи между научной мыслью и практическими усилиями по решению важных социальных проблем.

обязанность» и «лишенной возможности участия... в политической борьбе») и последствиях войны [Huntington, p. 92–95].

Авторы находили причины переворота в ущербности социальной структуры России: имперские «автократы и бюрократы, священники и учителя <…> решили вырыть яму эгоизма», а «российские массы в своем невежестве не понимали значения конфликта» [Story, p. 82]. М. Олгин констатировал раскол сословного социума, в котором «простые люди никогда не понимали человека с образованием и культурой, а ему не удавалось понять “темное море” масс» [Olgin, p. 114]. Приводились последовательные исторические примеры усилий интеллигенции: восстание декабристов 1825 г., «хождение в народ», 1870-х гг., террор 1880-х гг. и революция 1905–1907 гг. Статья Олгин – это набор претензий как к абсолютной монархии и ее органам (Госдума – «грубый европейский лак на поверхности тупой непоколебимой тирании»), так и к интеллигенту (не смог взять на себя руководство великим переворотом) [Там же, p. 115–116]. Путем мониторинга социологических изменений причины Октябрьской революции обнаруживали в провале Столыпинской реформы, забастовках, росте образования, количестве периодики, в том, что «политические и социальные идеи неуклонно вливались в сознание людей», при этом пропасть между сословиями ширилась, а война ее не преодолела [Там же, p. 117]. Во всем были виноваты образованные: отсутствие аграрных преобразований, сложности с избирательным процессом Учредительного собрания, усталость от войны, неспособность формировать общественное мнение.

В 1922 г. Д. Джером давал социальную картину совершенно незнакомую американским читателям с проведением сравнения с обществом США, построенную на книгах Толстого, Достоевского, князя Кропоткина, доклада III Государственной Думы. Руководствуясь цифрами «7 % и 93 %», замечая, что «средний класс, такой как, <…> в нашей собственной стране, отсутствовал», он выявлял факторы сформировавшие особенности жизни более 80 млн человек [Jerome, p. 228]. Среди них названы география, «религия», «образование», «национальность», «традиции, народные обычаи и народные гуляния», «отдых», «профессия», «домашние условия», везде проведено сравнение, обнаружен контраст между 7 % аристократии и 93 % крестьян и установлена позиция государства [Там же, p. 229].

Автор делал умозаключения о группе «революционеры-марксисты» и разбирал жизнь двух видных большевиков – В. И. Ленина и Л. Б. Красина, – уделив каждому одинаковые по объему абзацы [Там же, p. 240].

История изменила приоритеты: современные российские ученики о Л. Б. Красине, скорее всего, не знают. Заключение о лидерах интересное: «в Америке с их инициативой и способностями, они… занимали бы почетные должности… в России <…> они приняли марксистские взгляды и стали революционными лидерами» [Там же]. Во всем осуждалась историческая практика стран и неверность государственного устройства Российской империи.

В революции прямо обвинялась партия РСДРП(б). А. Сэк в 1919 г. называл различия между политическими движениями, руководствуясь научной теорией К. Маркса, кто социализм преподносил этапом после столетий капиталистического развития. «Социалисты России, социал-демократы, социал-революционеры понимали прозаический закон эволюции», в чем и «заключается разница их лидеров с большевиками». Последние как «безответственные… демагоги обращались к массам с обещаниями немедленного демократического мира и… реализации социализма в России» [Sack, p. 103].

Обвинения были в незнании (искажении) теории, обмане народа, в сепаратном мире, невозможности развития и в итоге голоде, разрухе, убийствах. Для большевиков с идеей классового размежевания и борьбы, с отрицанием «права каждого члена общества <…> участвовать в управлении» [Там же, p. 104] нет места в демократическом мире согласно американскому исследователю. А. Сэк обвинял большевиков в отсутствии свободы слова, судебного разбирательства, права публичных собраний, пытках, заложничестве, принудительной мобилизации, инфляции. На сегодня выводы не изменились.

В 1919 г. Р. Робинс на основе собственных впечатлений называл истоками революции три года холода, голода, войны, желания солдат вернуться в село, где делили землю [Robins, p. 119–127]. Причины Октября он видел в политической активности оппозиции, порожденной и связанной с ущербностью социальной структуры страны. Согласно Р. Робинсу, партия большевиков присвоила себе роль лидера Советов, представила свойство русского менталитета как якобы собственное достижение [Там же, p. 136]. «Идеал классовой борьбы, материалистическая концепция общества» не находили понимания у «бородатых крестьян и жестоких рабочих», которые пытались сделать то, на «что, они считали <…> имеют право» [Там же, p. 135–137]. На бумаге было одно, а в реальности массы хотели лишь отнять и поделить.

Прямо претендовал на характеристику большевиков как политического субъекта (их место среди других партий, их теории среди других

социалистических идей, реализация их идей) социал-демократ У. Хантингтон. Аналогичны сегодняшним его указания причин провала Временного правительства: «никто… не был обучен демократии… огромный экономический и военный кризис,… постоянная работа немецких шпионов,… и большевистской группы» [Huntington, p. 92–95]. Большевизм «означает “максималист”, … а не большинство», «грубый марксистский социализм насилия», с которым «демократия никогда не может пойти на компромисс» [Там же, p. 95–96]. Перед нами сегодняшняя российская трактовка истории 1917 г., что была очевидна для научных обозревателей США 1919 г. Это были свидетели, исследователи и объективные аналитики, которые видели свою родину ответственной за насаждение демократии: «реконструкция России – это, прежде всего, работа Америки» [Там же, p. 97].

Предложения «что делать» отталкивались от этого постулата и в первую очередь оправдывали интервенцию. Ставя себя во главы «цивилизованного мира», США отправляли свои войска «не с целью вмешательства в политический суверенитет…, но с единственной целью – помочь русским людям вернуть контроль над собственной территорией» [The way of the Russian terror, p. 263]. Изложение в 1918 г. отталкивалось от объявления президента Вильсона «большевистской власти *международными преступниками* (выделено нами. – *О. В.*)» [International notes, p. 278–287]. Представление интервенции как помощи русскому народу повторялось у разных авторов статей 1918–1919 гг. С. Харпер предлагал «поддержать сторонников Учредительного Собрания», обвинял союзников в задержке интервенции: они «за немногим исключением Америки… действительно ничего не сделали» [Там же, p. 280]. А. Сэк в 1919 г. призывал граждан не уходить от ответственности за торжество демократии во всех странах, препятствовать «установлению в России новой тирании» [Sack, p. 106]. Сторонники социализма также звали в 1919 г. США расчистить страну от большевиков, которые «подчинили русскую революцию» [Sayler, p. 196].

Были и противники интервенции. О. Сейлор порицал американские власти, что «пытались применить устаревшую политическую формулу» к «полноценной социальной революции» вместо того, чтобы меняться. Неверны были попытки «заставить Россию соответствовать нашим представлениям о государственной и промышленной политике», позволения мигрантам пропагандировать, одобрение «Закона о шпионаже», когда любого подозреваемого могли выслать из США [Там же, p. 197]. Упрек был американскому послу Девиду Френсису, сводившему все к интересам Антанты, и президенту Вильсону, указывавшему, что «правительство Соединенных Штатов… не в состоянии оказать <...> помощь…

для обеспечения …России… суверенитета». Американское правительство призывали ждать, «не нарушая функций Совета, ...уважать это учреждение» и осуществлять благотворительность («отдавать свою пищу и ресурсы» и «не ожидать немедленной оплаты» [Там же, p. 194, 198].

Предложениями, что делать, были и проекты реформ для соответствия американскому политическому идеалу «уважения к общественному мнению, … свободе, …признания принципов... демократии» [Story, p. 83]. Р. Стори на основе собственных выводов о фундаменте России (ресурсы, радикализм, общинность, жажда знаний и минимум демократического опыта) давал рекомендации: «восстановление Российского государства на какой-то федеративной основе», «государственная собственность и контроль в области транспорта, образования,… финансовых функций и социального обеспечения», «свобода для частной инициативы и корпоративной деятельности», «приверженность международному миру» [Story, p. 88–89].

Разрешением ситуации по Т. Тэтчеру был отказ от эмбарго, заполнение «российского экономического вакуума» американскими кредитами, товарами и менеджментом. «Большевизм должен столкнуться с экономическими потребностями <…> и потерпит неудачу» [Thacher, p. 126]. Приоритетом изложения были американские финансовые интересы, ведь несмотря на «угнетенные национальности», «рабочие проблемы», «аграрную ситуацию» и «конфискацию имущества», необходимо вернуть «долг много миллионов долларов» [The way of the Russian terror, p. 263].

Р. Робинс признавал право каждого идти своим путем, оставляя за Европой возможность оставаться демократией в собственном понимании. Не отрицая «определенную экономическую ошибку» США (угольные шахты, гнилые суды, 12-часовые сталелитейные заводы), он утверждал, что большевизм «не имеет места в американских институтах», попытки «свергнуть это правительство силой… следует подавлять непреклонно», «твердо придерживаясь закона и порядка» [Robins, p. 144–145]. Поддержка только закона – составная часть менталитета американцев. Автор рекомендовал своему правительству «снять эмбарго», вести «переговоры о перемирии», «общие политические амнистии», сохранить «союзные войска... в России… с целью обеспечения ...гарантий», оказать «гуманитарную помощь» и отправить «следственную комиссию… чтобы <…> сообщить о нынешней ситуации в Советской России». Пожелания обосновывались опять экономической выгодой для США, т. к. у РСФСР «самый большой неиспользованный рынок вторичного производства, – крупней-

ший рынок поглощения промышленной продукции… с самым большим сырьем» [Там же, p. 142–143].

П. Хиббен в 1922 г. также звал к здравому смыслу, указывал на «злостную пропаганду против всего, что связано с советским правительством» вместо «конструктивного плана» и получения прибыли для США. Пример такого плана практика лизинга «Объединенного профсоюза работников одежды Сидни Хиллмана и Джозефа Шлоссберга» [Hibben, p. 196]. Истеричная пропаганда отсутствия права частной собственности в Советской России отвергалась П. Хиббен правом каждого вновь идти своим путем. Субсидирование РСФСР были представлены даже долгом США как первой страны в мире: «новая эра… процветания во всей Европе, включая Россию, <…> зависит от нас, <…> которые имеют ключ к кредиту» [Там же, p. 199–200].

Были и те, кто предупреждал об «уроке большевистской революции», выдвигая предложения, что делать. Если общество столь расколото, как в Российской империи, есть «возможность социального взрыва. В Соединенных Штатах мы уже видим слабое начало такой ситуации» [Jerome, p. 228]. Д. Джером видел причины реформ НЭПа («большевики не могут надолго оставаться у власти, если строят между собой и народной массой стену») и прогнозировал, предрекал сталинский режим: «большевики могут <...> поддерживать сильное косвенное давление», а «масса населения так долго вынуждена была подчиниться сильному давлению царского самодержавия… [что] послушна» [Там же, p. 249].

Указывая, что делать, американские историки вновь и вновь называли ориентир, на который следует равняться советской республике – собственную родину. «Консервативные русские обращают внимание на... Соединенные Штаты в качестве модели для своей собственной республики… Другие… слышали об Америке как убежище для политических ссыльных… третьи... открывают для нас... сердце, потому что они ничего не слышали против нас» [Sayler, p. 188].

Позитив будущего строили и мечтатели, американские социалисты. Так, Г. Уоткинс считал, что «промышленный профсоюз… станет основой нового коммунистического общества» с «административными органами… для координации непромышленной деятельности», а «распределение продукта должно быть …от каждого …по способностям, каждому …по потребностям» [Watkins, p. 30]. Автор цитировал «Новости коммунистической рабочей партии», «Манифест Коммунистической партии», «Программу Коммунистической партии» без анализа и только с оговорками, что все произойдет в будущем и «совпадает с программой русского

большевизма» [Там же, p. 31]. При этом назвать фамилии лидеров РСДРП(б), помимо Ленина и Троцкого, процитировать программу советской партии Г. Уоткинс не мог. Он не был наследником русских террористов XIX в. и выдвигал традиционные американские методы политической борьбы (пропаганда/выборы на государственные должности, реформы в интересах трудящихся).

Читатели целенаправленно стимулировались к собственным выводам через наличие подробностей и указание на позицию США (официальное устранение от международного вмешательства, неизменная доброжелательность и помощь). О Генуэзской конференции предоставляли информацию и только. «Conference at Genoa» [Conference at Genoa, p. 182–189] давала исходный материал – цитаты, отрывки из газет («Таймс»), инициативы, требования (долгов), оферты, реакция участников Генуэзской встречи, даже слухи, цифры, предлагая самим делать выводы.

«Foreign Affairs» не мог пропустить грандиозного международного события, в сентябре 1922 г. анонимный автор метафорически оценивал его как «словесные бои между русскими и нерусскими участниками» [Russia after Genoa, p. 133]. Стилистическим способом автор давал свою оценку Генуэзской конференции, избегая прямого выражения мнения, метафорические обозначая ее результаты. «Очищение атмосферы», т. е. получение информации о нетрадиционной форме государственного устройства и признание заслуг «бурного существования» РСФСР (интервенция, Гражданская война, признание Средней Азии, мир с Польшей и Прибалтикой) [Там же, p. 133–134]. Американский автор не забывал подчеркивать «болезненные истины»: «ни одна другая страна пока не последовала <…> примеру России» (мировой революции нет), а достижения были не за счет «роста популярности коммунистического режима», а за счет безжалостного подавления. Вторым результатом короткой советской истории стало «разочарование и утомляемость», под которым понимался «ужасающий характер экономической ситуации» и старт «новой экономической политики» [Там же, p. 134–135, 138].

Третьим результатом стал разбор долговой ситуации. Желание Советской России компенсировать свои довоенные обязательствами встречными претензиями было признано разумным и обоснованным международным правом. Как рассуждал журнал, Англия и Франция сдадутся и пойдут на уступки, американское руководство, «высокомерно отказываясь признать советское правительство», потеряет «особые возможности для получения огромного количества долларов» [Там же, p. 141].

Таким образом, американские научные исследователи, отмечавшие историческую/социальную/политическую определенность Октябрьского переворота, отталкивались от обязательных интересов собственной страны, оправдывали интервенцию через экономическую выгоду и через обязательность насаждения демократии в американском образце всем и везде. Апеллируя к праву на выбор жизненного пути каждой страной, авторы 1920–1922 гг. открывали неординарный вариант РСФСР, пытались давать информацию, стимулируя читателей самим делать выводы.

Conference at Genoa // Advocate of Peace through Justice. Vol. 84, № 5 (May, 1922). P. 182–189.

Hibben P. Russian Rehabilitation a Prerequisite to World Prosperity // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 102. America and the Rehabilitation of Europe (Jul., 1922)

Huntington W. The Russian tragedy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 84 (Jul., 1919). P. 92–95.

International notes // The Advocate of Peace (1894–1920). Vol. 80, No. 9 (October, 1918).

Jerome D. Sociological Interpretation of the Russian Revolution // Political Science Quarterly. Vol. 37. No. 2 (Jun., 1922).

Olgin M. The Intelligentzia and the People in the Russian Revolution // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 84. International Reconstruction (Jul., 1919).

Robins R. Social Control in Russia Today // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 84. International Reconstruction (Jul., 1919).

Russia after Genoa and Hague // Foreign Affairs. Vol. 1, No. 1 (Sep. 15, 1922).

Sack A. Democracy and Bolshevism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 84 (Jul., 1919).

Sayler O. Russia Looks to America// The North American Review. Vol. 209. No. 759 (Feb., 1919).

Story R. Russian present and Future // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 84 (Jul., 1919).

Thacher T. Economic Force and the Russian Problem // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 84 (Jul., 1919).

The way of the Russian terror // The Advocate of Peace (1894–1920). Vol. 80, No. 9 (October, 1918).

Watkins G. Revolutionary Communism in the United States // The American Political Science Review. Vol. 14, No. 1 (Feb., 1920).